

Сергей Золотарёв

Любовное

Род. в 1973 г. в Жуковском, учился в ГУУ им. Орджоникидзе, КМС по большому теннису. Публиковался в журналах «Новый мир», «Арион», «Новая Юность», «Интерпоэзия» и др. Публикация в ПМ: № 2-2015

*

продли своё тепло еще хоть
на день на два
привыкли сразу ахать-охать
зелеными глазами окать
слезами акать
но посмотри моя вдова
как сахарная голова
умеет плакать

так человеческое горе
не объясняет ни одна
из существующих теорий
как исслаждается она

*

мы с тобою проживем на керосине
и на керогазе проживем
керосин не белый – он иссиня
черный и гори оно огнем

где в креманках золотом кремаций
пепельный источник отогрет,
будем в лес ходить обогреваться
брать зеленых ягод на просвет

мир исчезнет этот материальный
мы с тобою выскочим по ту

сторону портретов Модильяни
не равноапостольной холсту

что нам будет? жизнь необорима
думаете правда шестьдесят
семьдесят и новая перина?
и на ней холодный конденсат?

больно жить, но это с непривычки
потерпите вечность – все пройдет
где-то изготавливает спички
старый Балабановский завод

*

прикроватная тумба
сокровенный на ней
свет который задуман
как глотатель теней

ты устала и сила
этой устали вдруг
в лампе свет замесила
не без помощи рук

по стене - традесканции
мерный шаг
светом интоксикация
не проходит бесследно

тени множатся бледные
и глотатели шпаг
демонстрируют лезвие
точно знание как

*

трубы в доме горят
светом чуть приглушенным

новогодний обряд
предлагаю считать совершенным

если пальцы руки
распушить с ее тыльной
стороны то ногтей огоньки
будут вздрагивать силой светильной

я люблю тебя как
это пламя которого вроде
даже не существует в природе
а вот есть же чудак

*

все ради светлости ее
пустая исповедь нахала:
возможно нижнее белье
использовало нить накала

она светилась в темноте
о как же мне хотелось в лапах
держат скопившееся в лампах
тепло с высоким КПД

обжечься и сильнее прижать
прозрачный свет неотразимый
неотвратимый как печать
от обработки абразивной

не замечая своего
свечения ты прижималась
и эта солнечная малость
была сильнее чем большинство

возможно где-нибудь в конце
самозабвенного туннеля
я обернусь в твоём лице
и навсегда останусь в теле

*

распахиваю шторы
и день пускаю в дом
тот самый день в который
мне верится с трудом

в него не умирают
и - словно имена -
для жизни выбирают
любые времена

снежинки или листья
заламывают свет
как руки или кисти
при виде наших лет

как смешивают тленье
и сполохи в мячах
чтоб накачать давление –
так каждое явление
растет как на дрожжах

ты сядешь в электричку
и в это время я
пошедший было стричься
попутая края

и выйду в нашу кухню
с холодной водой

и там поставлю Кюхель
шестьсот двадцать шестой

как чайник на конфорку
и буду ждать до слез
когда из звуков хлорка
уйдет как дым в мороз

тогда высоковольтку
увидишь в золотом
как будто бедный Вольфганг
был правда Хризостом

такое вот событие
и все-таки внутри
него уже забиты
опорные штыри

и если я надеюсь
на что-то то на то
что поутру надела
ты зимнее пальто

и эта лакримоза
закончится на том
что ты войдешь с мороза
в проклятый старый дом

*

тень казалась его женой
тень касалась его длиной
шириной или как там принято
у теней – темнотою с принтами

тень всегда появлялась днем
а потом исчезала в нем

скрывшись критскими лабиринтами
нитевидный оставив ритм ему

он же прессу любил киосками
с лаборантами спорить кносскими
о культуре прошедших дней
о текстуре своих теней

спорил с критскими лаборантами
что не сделалась тень обратную
стороной его и при всей
к ней любви – он ее Тесеи

а они ему – ничего
вот же бог тебе вот порог
эта тень твоя словно осень
наступает сама в свой срок

поедает тебя подагрю
тень твоя и живет в тебе
переждет темноту под аркою
возле офиса ВТБ
и опять из тебя появится

говорит им – да что вы все
у меня и душа по яйца
и все тело в ночной росе
ну откуда в нем тени взяться
говорит им – да что вы все

только раз опоздал Фомою
на успенье как раз своё
и увидел – сама собою
тень разматывает тряпьё

тень использует путеводной
нитью тело его на свет
выходя из души холодной
как из договора по СНВ

а в пустынной его пещере
его тело с его душой
как разъятые части зверя
на кровати лежат большой

*

мы росли на пуховых подушках
и поэтому с линией птиц
тайно связаны в мире воздушном
отпечатками заспанных лиц

то что в детстве тихонько кололо
режет с возрастом только сильней
обмакнув в пузырек корвалола
заостренные перья слюней

а сверчки? разве слухом касаясь
мы не сами идем стрекотать
от доверия электризуясь
как дешевый какой трикотаж?

а любимая? в каждом дотроге
изменяет искомую суть
согревает холодные ноги
продлевает отпущенный путь

все меняется с прикосновеньем
настроение поле заряд
оттого и тверские офени
сообщались на собственный лад

отвечая за некое братство
где дотронувшись до своего
человека возможно добраться
по цепочке почти до всего

*

это ангельское воинство
нами запросто усвоится
здесь на кухне у ручья
светового ты ничья

листья будущие замужем
по ночам изнанкой замшевой
повернувшись к небесам
проповедуют кожзам

жизнь она ведь как устроена
что плохое то утроено
а хорошее оно
на двоих поделено